

СКАЗКИ И РАССКАЗЫ

М. Пришвин
В. Бианки
К. Паустовский
Н. Сладков
Э. Шим

Художник
И. Цыганков

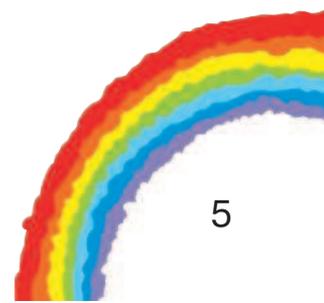

М. Пришвин

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ КОЛБАСА

Ярик очень подружился с молодым Рябчиком и целый день с ним играл. Так в игре он провёл неделю, а потом я переехал с ним из этого города в пустынный домик в лесу, в шести верстах от Рябчика. Не успел я устроиться и как следует осмотреться на новом месте, как вдруг у меня пропадает Ярик. Весь день я искал его, всю ночь не спал, каждый час выходил на терраску и свистел. Утром — только собрался было идти в город, в милицию, — являются мои дети с Яриком: он, оказалось, был в гостях у Рябчика. Я ничего не имею против дружбы собак, но нельзя же допустить, чтобы Ярик без разрешения оставлял службу у меня.

— Так не годится, — сказал я строгим голосом, — это, брат, не служба. А кроме того, ты ушёл без намордника, значит, каждый встречный имеет право тебя застрелить. Безобразный ты пёс.

Я всё высказал суровым голосом, и он выслушал меня, лёжа на траве, виноватый, смущённый, не Ярик — золотистый, гордый ирландец, а какая-то рыжая, ничтожная, сплюснутая черепаха.

— Не будешь больше ходить к Рябчику? — спросил я более добрым голосом.

Он прыгнул ко мне на грудь. Это у него значило:

— Никогда не буду, добрый хозяин.

— Перестань лапиться, — сказал я строго. И простил.

Он покатался в траве, встряхнулся и стал обыкновенным хорошим Яриком.

Мы жили в дружбе недолго, всего только неделю, а потом он снова куда-то исчез. Вскоре дети, зная, как тревожусь о нём, привели беглеца: он опять сделал Рябчику незаконный визит. В этот раз я не стал с ним разговаривать и отправил в тёмный подвал, а детей просил, чтобы в следующий раз они только известили меня, но не приводили и не давали там ему пищи. Мне хотелось, чтобы он вернулся по доброй воле.

В тёмном подвале путешественник пробыл у меня сутки. Потом, как обыкновенно, я серьёзно поговорил с ним и простил. Наказание подвалом подействовало только на две недели. Дети прибежали ко мне из города:

— Ярик у нас.

— Так ничего же ему не давайте, — велел я, — пусть проголодается и придёт сам, а я подготовлю ему хорошую встречу.

Прошёл день. Наступила ночь. Я зажёл лампу, сел на диван, стал читать книжку. Налетело на огонь множество бабочек, жуков, всё это стало кружиться возле лампы, валиться на книгу, на шею, путаться в волосах. Но закрыть дверь на террасу было нельзя, потому что это был единственный выход, через который мог явиться ожидаемый Ярик. Я, впрочем, не обращал внимания на бабочек и жуков, книга была увлекательной, и шёлковый ветерок, долетая из леса, приятно шумел. Я читал и слушал музыку леса. Но вдруг мне что-то показалось в уголке глаза. Я быстро поднял голову, и это исчезло. Теперь я стал прилаживаться так читать, чтобы, не поднимая головы, можно было наблюдать порог.

Вскоре там показалось нечто рыжее, стало красться в обход стола, и, я думаю, мышь слышней пробежала бы, чем это большое подползло под диван. Только знакомое неровное дыхание подсказало мне, что Ярик был под диваном и лежал как раз подо мной.

Некоторое время я читаю и жду, но терпения у меня хватило ненадолго. Встаю, выхожу на террасу и начинаю звать Ярика строгим голосом и ласковым, громко и тихо, свистать и даже трубить. Так уверил я лежащего под диваном, что ничего не знаю о его возвращении.

Потом я закрыл дверь от бабочек и говорю вслух: — Верно, Ярик уже не придёт, пора ужинать.

Слово ужинать Ярик знает отлично. Но мне показалось, что после моих слов под диваном прекратилось даже дыхание.

В моём охотничьем столе лежит запас копчёной колбасы, которая чем больше сохнет, тем становится вкуснее. Я очень люблю сухую охотничью колбасу и всегда ем её вместе с Яриком. Бывало, мне довольно только ящиком шевельнуть, чтобы Ярик, спящий колечком, развернулся, как стальная пружина, и подбежал к столу, сверкая огненным взглядом.

Я выдвинул ящик, — из-под дивана ни звука. Раздвигаю колени, смотрю вниз — нет ли там на полу рыжего носа, — нет, носа не видно. Режу кусочек, громко жую, заглядываю, — нет, хвост не молотит. Начинаю опасаться, не показалась ли мне рыжая тень от сильного ожидания и Ярика вовсе и нет под диваном. Трудно думать, чтобы он, виноватый, не соблазнился даже и колбасой, ведь он так любит её; если я, бывало, возьму кусочек, надрежу, задеру шкурку, чтобы можно было за кончик её держаться пальцами и кусочек её висел бы на нитке, то Ярик задерёт нос вверх, стережёт долго и вдруг прыгнет. Но мало того: если я успею во время прыжка отдернуть вверх руку с колбасой, то Ярик так и остаётся на задних ногах, как человек. Я иду с колбасой, и Ярик идёт за мной на двух ногах, опустив передние лапы, как руки, и так мы обходим комнату и раз, и два, и даже больше. Я надеюсь в будущем посредством колбасы вообще приучить ходить его по-человечески и когда-нибудь во время городского гулянья появиться там под руку с рыжим хвостатым товарищем.

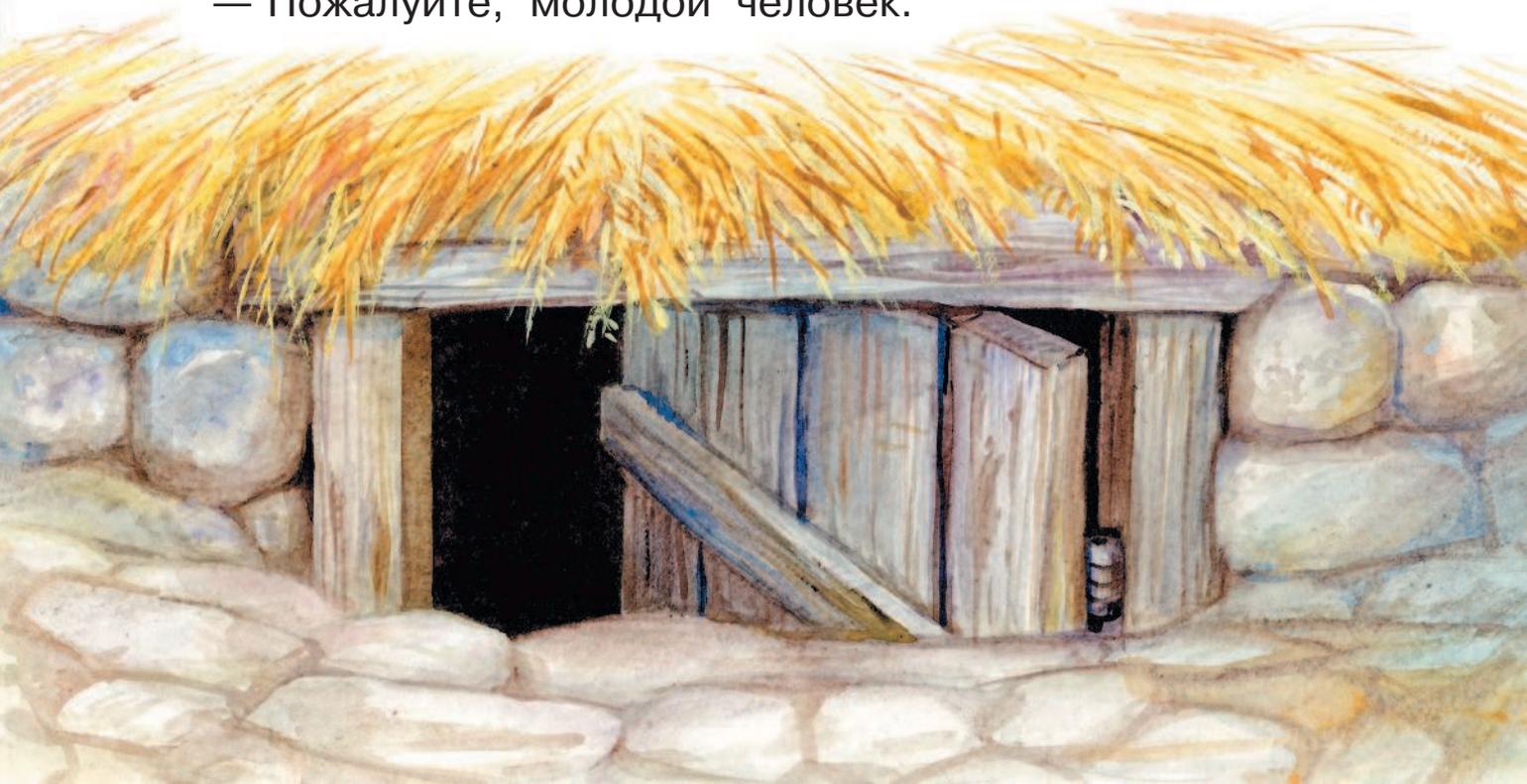

И так вот, зная, как Ярик любит колбасу, я не могу допустить, чтобы он был под диваном. Делаю последний опыт, бросаю вниз не кусочек, а только шкурку и наблюдаю. Но как внимательно я ни смотрю, ничего не могу заметить: шкурка исчезла как будто сама по себе. В другой раз я всё-таки добился: видел, как мелькнул язычок.

Ярик тут, под диваном.

Теперь я отрезаю от колбасы круглый конец с носиком, привязываю нитку за носик и тихонько спускаю вниз между коленями. Язык показался, я потянул за нитку, язык скрылся. Переждав немного, спускаю опять — теперь показался нос, потом лапы. Больше нечего в прятки играть: я вижу его, и он меня видит. Поднимаю выше кусочек. Ярик поднимается на задние лапы, идёт за мной, как человек, на двух ногах, на террасу, спускается по лесенке на четырёх по-собачьи. Теперь он понимает мою страшную затею и ложится на землю пластом, как черепаха. А я отворяю подвальную дверь и говорю:

— Пожалуйте, молодой человек.

КАК Я НАУЧИЛ СВОИХ СОБАК ГОРОХ ЕСТЬ

Лада, старый пойнтер десяти лет, — белая с жёлтыми пятнами. Травка — рыжая, лохматая, ирландский сеттер, и ей всего только десять месяцев. Лада — спокойная и умная. Травка — бешеная и не сразу меня понимает. Если я, выйдя из дому, крикну: «Травка!» — она на одно мгновение обалдеет. И в это время Лада успевает повернуть к ней голову и только не скажет словами: «Глупенькая, разве ты не слышишь, хозяин зовёт».

Сегодня я вышел из дому и крикнул:

— Лада, Травка, горох поспел, идёмте скорей горох есть!

